

Oriente lumen («Свет с Востока»)

Апостольское послание*
Святого Отца Иоанна Павла II

*Достопочтенные Братья,
Возлюбленные Сыны и Дочери Церкви*

1. СВЕТ С ВОСТОКА осветил Вселенскую Церковь, едва только посетил нас «Восток свыше» (Лк 1, 78) — Иисус Христос, Господь наш, Которого все христиане призывают как Искупителя рода человеческого и Надежду мира.

Этим светом вдохновлялся мой Предшественник Папа Лев XIII при написании апостольского послания *Orientalium Dignitas*, в котором отстаивал значение восточного Предания для всей Церкви¹.

По случаю столетия со времени этого события и предпринятых тогда начинаний, посредством которых Папа Лев XIII намеревался благоприятствовать восстановлению единства со всеми христианами Востока, я пожелал, чтобы подобный призыв, обогащенный значительным опытом общения в этом последнем столетии, был обращен к Католической Церкви.

Поскольку мы действительно верим, что древнее Предание Восточных Церквей представляет собой неотъемлемую часть наследия Церкви Христовой, для католиков необходимо изначальное позна-

* Апостольское послание — общее название официальных документов Папы Римского, составленных им самим или подготовленных кем-либо другим по его поручению. Апостольские послания бывают торжественными (к их числу относятся энциклики и буллы) и обычными (например, бреве). Торжественные послания могут касаться вопросов, особенно важных для Церкви и всего человечества или же относящихся к интересам большой группы верующих (в масштабах страны, епархии или монашеского ордена). Апостольское послание «Свет с Востока» относится к торжественным папским посланиям. — Прим. ред.

ние его с тем, чтобы питаться им и содействовать, в меру возможности каждого, процессу единения.

Наши братья, католики восточных обрядов, прекрасно сознают, что они, вместе с православными братьями, живые носители этого Предания. Необходимо, чтобы и чада Католической Церкви латинской традиции могли познать это сокровище во всей полноте и разделить с Папой его горячее желание, дабы в Церкви и в мире было восстановлено *полное выражение кафоличности Церкви*, которая проявляется не в какой-либо одной из традиций и тем более не в одной только общине в противовес другой, и дабы для всех нас стало возможным наслаждаться вполне «Богооткровенным и нераздельным достоянием вселенской Церкви»², сохраняющимся и преумножающимся как в жизни Церквей Востока, так и в жизни Церквей Запада.

2. Я обращаю свой взор к *Свету с Востока*, воссиявшему из Иерусалима (см. Ис 60, 1; Откр 21, 10), из города, в котором Слово Божие, вочеловечившееся ради нашего спасения, Иудей, «родившийся от семени Давидова» (Рим 1, 3; 2 Тим 2, 8), умер и был воскрешен. В этом Святом Граде, когда настал день Пятидесятницы и «все они были единодушно вместе» (Деян 2, 1), Дух Утешитель был ниспослан на Пресвятую Деву Марию и на учеников. С того дня Благая Весть распространилась по всему миру, ибо, исполнившись Духом Святым, они «говорили слово Божие с дерзновением» (Деян 4, 31). Оттуда, от Матери всех Церквей³, Евангелие было проповедано всем народам, многие из которых гордятся тем, что один из апостолов был для них первым свидетелем Господа⁴. В этом городе самые разнообразные культуры и традиции были восприняты во имя единого Бога (см. Деян 2, 9–11). Обращаясь к этому городу с печалью и благодарностью, мы вновь обретаем силу и энтузиазм для усиленных *поисков согласия* в той подлинности и в том многообразии, которые остаются идеалом Церкви⁵.

3. Папа, сын славянского народа, особенно сильно ощущает в своем сердце призыв тех народов, к которым обратились два святых брата, Кирилл и Мефодий, — славный пример Апостолов единства, умевших возвещать Христа при поисках общения между Востоком и Западом, несмотря на трудные обстоятельства, противопоставлявшие уже порой и тогда эти два мира. Неоднократно я оста-

навливался на примере деятельности⁶ святых братьев, обращаясь к их многочисленным сынам по вере и культуре.

Хотелось бы распространить эти мысли на все Восточные Церкви, в разнообразии их различных традиций. Я мысленно обращаюсь к братьям Церквей Востока в стремлении всем нам вместе найти силу единого ответа на вопросы, которые человек задает сегодня на всех широтах планеты. Я намерен обратиться к их наследию веры и жизни при полном сознании того, что путь единства не подлежит переоценке, но является необратимым, как призыв Господа к единству. «Возлюбленные! У нас общая задача, мы — Восток и Запад — должны вместе сказать: *да не будет упразднен Крест Христов* (ср. 1 Кор 1, 17). Да не будет опустошен Крест Христов; ибо если Крест Христов будет лишен смысла, то человек лишится корней, всякой перспективы: он разрушен! Этот вопль раздастся в конце XX столетия. Это вопль Рима, вопль Константинополя, вопль Москвы. Это вопль всего христианского мира: обеих Америк, Африки, Азии — всех. Это — вопль о новой евангелизации»⁷.

Я мысленно обращаюсь к Церквам Востока, подобно тому как это делали многочисленные папы в прошлом, сознававшие, что им было завещано в первую очередь сохранять единство Церкви и неустанно содействовать единению христиан там, где оно оказывалось нарушенным. Нас уже связывают особо тесные узы. У нас почти все общее⁸, и прежде всего искренняя жажда единства.

4. До всех Церквей Востока и Запада доходит вопль людей нашего времени, ищущих смысл своей жизни. Мы слышим в нем мольбу тех, кто ищет Отца, забытого и утраченного (ср. Лк 15, 18–20; Ин 14, 8). Женщины и мужчины наших дней умоляют нас указать им Христа, Который знает Отца и открыл Его нам (ср. Ин 8, 55; 14, 8–11). Готовые внимать вопрошаниям мира со смирением и нежной любовью, полной солидарности с теми, от кого они исходят, мы призваны открывать словами и действиями, соответствующими нашему времени, те безмерные богатства, которые наши Церкви хранят в сокровищницах своих традиций. Будем учиться у самого Господа, Который на Своем пути останавливался среди людей, выслушивал их, проникался жалостью к ним, когда видел, что они «как овцы, не имеющие пастыря» (ср. Мф 9, 36; ср. Мк 6, 34). От Него мы

должны перенять этот взор любви, которым Он примирял людей с Отцом и с самими собой, передавая силу, единственно способную излечить человека целиком.

Перед этим призывом Церквам Востока и Запада предстоит сосредоточиться на самом существенном: «Мы не можем предстать пред Христом, Господином истории, столь разделенными, какими мы, к сожалению, оказались в течение второго тысячелетия. Эти разделения должны уступить место сближению и согласию; раны должны быть залечены на пути к единству христиан»⁹.

Невзирая на наши слабости, мы должны обращаться к Нему, единственному Учителю, соучаствуя в Его смерти, дабы очиститься от этой ревнивой привязанности к переживаниям и воспоминаниям не о великих делах Божиих, совершенных ради нас, но о человеческих деяниях прошлого, все еще лежащих бременем на наших сердцах. Да просветит Дух Святой наш разум, дабы нам вместе идти навстречу нашему современнику, ожидающему радостной вести. Если на чаяния и страдания мира мы дадим просвещающий, животворящий согласованный ответ, то поистине будем содействовать более плодотворному проповеданию Евангелия среди людей нашего времени.

Первая часть

Познавать опыт веры христианского Востока

5. «... При исследовании истин Откровения на Востоке и на Западе применялись различные методы и подходы к познанию и исповеданию вещей Божественных. Неудивительно поэтому, если некоторые аспекты тайны Откровения один воспринял удачнее и изложил яснее, чем другой, вследствие чего о различных богословских формулах нередко следует сказать, что они скорее дополняют друг друга, чем противоречат друг другу»¹⁰.

Неся в сердце упомянутые мною вопрошания, чаяния и опыт, я мысленно обращаюсь к христианскому наследию Востока. Я не намерен ни описывать его, ни истолковывать: я готов выслушивать Церкви Востока, остающиеся живыми толковательницами традиционного сокровища, хранимого ими. При созерцании его моему взору открываются элементы, особо важные для более полного и цельного понимания христианского опыта и, следовательно, для возможности более полного христианского ответа на чаяния мужчин и женщин наших дней. По сравнению с любой другой культурой христианский Восток, будучи колыбелью рождавшейся Церкви, действительно исполняет уникальную и привилегированную роль.

В восточной христианской традиции выработался способ восприятия, усвоения и переживания веры в Господа Иисуса. В этом смысле она чрезвычайно близка христианской традиции Запада, которая возникает из той же самой веры и питается ею. И тем не менее она отличается от нее законным и удивительным образом, поскольку восточный христианин обладает свойственным ему чувствованием и пониманием, а следовательно, и особым, своеобразным переживанием своих отношений со Спасителем. С уважением и благоговением я желаю здесь подойти к вопросу богочтения, проявляемого в этих Церквях, а не выделять ту или иную специфическую богословскую проблему из тех, которые возникли во время многовекового полемического противостояния между Западом и Востоком.

С самого своего возникновения христианский Восток являет себя способным, во всем многообразии своего содержания, воспринять характерные черты любой отдельной культуры при величайшем уважении к каждой общине. С глубоким умилением мы можем только благодарить Господа за то чудесное разнообразие, с которым Он соизволил составить из различных частиц столь богатую и сложную мозаику.

6. Имеются некоторые общие черты духовной и богословской традиции у разных Церквей Востока, в которых обнаруживается особое восприятие форм, какие приняла проповедь Евангелия на западных землях. Второй Ватиканский Собор суммирует их

следующим образом: «Всем также известно, с какой любовью восточные христиане совершают литургические священнодействия, особенно Св. Евхаристию, источник жизни Церкви и залог будущей славы, благодаря которому верные, объединяясь с епископом, получая доступ к Богу Отцу через Сына, Воплощённое Слово, страдавшего и прославленного, в излиянии Святого Духа обретают общение с Пресвятой Троицей, становясь «причастниками Божественного естества» (2 Петр 1, 4)»¹¹.

В этих чертах вырисовывается видение восточного христианина, цель которого — соучастие в Божественной природе через сопричастность тайне Пресвятой Троицы. Здесь характеризуется «монархия», присущая Отцу, и понятие спасения, согласно домостроительству, изложенному восточным богословием после св. Иринея Лионского и распространившемся у Отцов Каппадокийцев¹².

Соучастие в жизни Пресвятой Троицы осуществляется в богослужении и особым образом в Святой Евхаристии — тайне общения с прославленным Телом Христовым, семенем бессмертия¹³. В обожении, и главным образом в святых Таинствах, восточное богословие приписывает совершенно особую роль Духу Святому: силою Духа, обитающего в человеке, обожение начинается уже на земле, творение преобразуется, и раскрывается Царство Божие.

Учение Каппадокийских Отцов об обожении вошло в традицию всех Восточных Церквей и является частью их общего наследия. Это можно подытожить мыслью, уже выраженной св. Иринеем в конце II столетия: *Бог вочеловечился, дабы человек обожился*¹⁴. Это богословие обожения остается одним из особо ценных приобретений в восточной христианской мысли¹⁵.

На этом пути обожения нас предваряют те, кто через благодать и усилия в праведной жизни «уподобились» Христу, то есть мученики и святые¹⁶. И среди них совершенно особое место занимает Пресвятая Дева Мария, от Которой произросла «отрасль от корня Иисеева» (Ис 11, 1). Это не только образ ожидающей нас Матери, но также образ Пречистой, Которая, будучи осуществлением множества ветхозаветных прообразов, являет Собою икону Церкви, символ и предварение преображенного благодатью человечества,

пример и надежное упование для тех, кто направляет свои стопы к небесному Иерусалиму¹⁷.

При всем том, что Восток особо подчеркивает троичный реализм и его органичную включенность в сакраментальную жизнь, он связывает веру в единство Божественной природы с непознаваемостью Божественной сущности. Восточные Отцы всегда утверждают, что невозможно познать то, чем является Бог, но можно лишь познать то, что Он есть, поскольку Он открыл Себя в истории спасения как Отец, Сын и Дух Святой¹⁸.

Это сознание неизреченной Божественной реальности отражается в богослужении, где чувство тайны сильнее всего воспринимается всеми верующими христианского Востока.

«На Востоке имеются также сокровища тех духовных преданий, которые нашли свое выражение прежде всего в монашестве. Ибо там со славных времен Святых Отцов процветала та монашеская духовность, которая затем распространилась на Западе, стала как бы источником латинских монашеских установлений и в последствии постоянно придавала им новую силу. Поэтому католикам настоятельно рекомендуется чаще обращаться к этим духовным сокровищам восточных Отцов, которые возвышают всего человека в его целостности до созерцания Божественных тайн»¹⁹.

Евангелие, Церкви и культуры

7. Я и раньше обращал внимание на то, что одна из главных великих ценностей, особо переживаемых на христианском Востоке, заключается в пристальном внимании к народам и их культурам, дабы Слово Божие и Его прославление могли звучать на любом языке. На этой теме я останавливался в энциклике «Апостолы славян», где подчеркивается, что Кирилл и Мефодий «стремились во всем быть подобными тем, для кого сделали доступным Евангелие; они хотели стать частью этих народов и разделить во всем их участь»²⁰; «речь шла о новом методе катехизации»²¹. Поступая так, они выразили весьма распространенный на христианском Востоке подход: «Воплощая Евангелие в особую культуру народов, которые они евангелизировали, святые Кирилл и Мефодий приобрели особен-

ные заслуги в деле формирования и развития самой культуры или, вернее, многих культур»²². Уважение и внимание к отдельным культурам сочетаются у них с усердной заботой о вселенском характере Церкви, к осуществлению которого они неутомимо стремились. Отношение к этому обоим Солунских братьев дает представление о стиле, типичном в христианской древности для многих Церквей: Откровение возвещается адекватно и становится полностью понятным, поскольку Христос говорит языком разных народов, которые могут читать Священное Писание и совершать богослужение на своем языке, употребляя свойственные им выражения, то есть как бы возобновляя чудеса Пятидесятницы.

В эпоху, когда все более фундаментальным признается право каждого народа на самовыражение, в соответствии с собственным культурным наследием и мышлением, опыт отдельных Церквей Востока представляется нам примером успешной инкультурации.

Этот пример учит нас тому, что, если мы хотим избежать возникновения партикуляризма и крайнего национализма, нам необходимо понять следующее: проповедь Евангелия должна быть глубоко укорененной в специфичность культур и одновременно открытой для соединения во вселенскости, где происходит обмен, ради общего обогащения.

Между памятью и ожиданием

8. Зачастую мы чувствуем себя сегодня пленниками настоящего, как если бы человек почувствовал, что он утратил ощущение принадлежности к истории, которая ему предшествует и за ним следует. В этих усилиях по обретению себя между прошлым и будущим, с душой, преисполненной благодарности за полученные и за ожидаемые благодеяния, Церкви Востока особо выделяют значение преемственности, носящей названия Предания и эсхатологического ожидания.

Предание — это наследие Церкви Христовой, живая память о Воскресшем, встреченном и засвидетельствованном Апостолами, которые передали своим преемникам эту живую память, непрерывно гарантируемую апостольской преемственностью через воз-

ложение рук, вплоть до епископов наших дней. Оно состоит из исторического и культурного наследия каждой Церкви, созданного свидетельством мучеников, отцов Церкви и святых, равно как и живой верою всех христиан на протяжении веков вплоть до наших дней. Речь идет не о неизменном повторении формул, но о наследии, сохраняющем изначально живое керигматическое ядро. Именно Предание, гарантируя определенность и преемственность, избавляет Церковь от опасности лишь собирать меняющиеся мнения.

Когда обычаи и традиции, свойственные каждой Церкви, начинают восприниматься как нечто неизменное, возникает опасность лишиться Предание того характера живой реальности, которая возрастает и развивается и которой Дух споспешествует именно затем, чтобы оно говорило людям всех времен. И подобно тому, как Священное Писание «растет» вместе с тем, кто его читает²³, так и любая другая часть живого наследия Церкви возрастает с пониманием верующих и обогащается новыми вкладами, привносимыми в духе верности и преемственности²⁴. Только религиозное усвоение, в послушании веры, того, что Церковь именует «Преданием», позволяет ему воплощаться в различных историко-культурных ситуациях и условиях²⁵. Предание отнюдь не является единственно ностальгией по вещам и образам прошлого, или же сожалением об утраченных привилегиях, но оно есть живая память Невесты, сохраняемая вечно юной Любовью, которой она преисполнена.

Если Предание гарантирует нам непрерывную связь с прошлым, то эсхатологическое ожидание открывает будущее Божие. Каждая Церковь должна бороться против искушения абсолютизировать то, что она совершает, и, следовательно, восхвалять саму себя или предаваться унынию. Но время принадлежит Богу, и все то, что свершается, никогда не отождествляется с полнотою Царства, всегда являющегося безвозмездным даром. Господь Иисус пришел, чтобы умереть за нас, и Он воскрес из мертвых, тогда как творение, спасенное в надежде, «стенает» еще в муках рождения (ср. Рим 8, 22). Сам Господь вернется, чтобы «покорить вселенную» Отцу (ср. 1 Кор 15, 28). Церковь призывает это возвращение, привилегированным свидетелем которого является монашествующий.

Восток живым образом выражает реальность Предания и ожи-

дания. Все его богослужения преимущественно — это воспоминание о спасении и призывание возвращения Господа. И если Предание учит Церкви верности тому, что их породило, то эсхатологическое ожидание побуждает их быть тем, чем они еще не стали в полноте и чем Господь желает их соделать, а следовательно, побуждает искать все новые пути верности, преодолевая пессимизм, ибо всё устремляется к надежде Божией, которая не постыжает.

Мы должны показать людям красоту памяти, силу, исходящую от Духа и делающую нас свидетелями — ибо мы дети свидетелей — дать им возможность наслаждаться всем тем прекрасным, что Дух посеял в истории; показать, что именно Предание сохраняет все это, подавая надежду тем, кто, даже не видя, что их усилия увенчались успехом, знает, что кто-то другой доведет их дела до конца; тогда человек будет чувствовать себя менее одиноким, менее замкнутым в тесном кругу собственного, индивидуального делания.

Монашество как образец жизни во святом Крещении

9. Теперь мне хотелось бы взглянуть на многообразную картину восточного христианства с определенных высот, позволяющих выделить многие его особенности, — с высот монашества.

На Востоке монашество сохранило большое единство, не познав, как на Западе, образования множества видов апостольской жизни. Различные выражения монашеской жизни, от совместного проживания, как его понимали св. Пахомий или св. Василий, до строго отшельнического — св. Антония или св. Макария Египетского, соответствуют скорее различным этапам духовного пути, чем выбору между разными образами жизни. Во всяком случае, они ссылаются на монашество как таковое, в какой бы форме оно ни выражалось.

Помимо того, монашество рассматривалось на Востоке не только как особый образ жизни, свойственный какой-то категории христиан, но, в частности, как отправной пункт для всех крещеных, в меру даров, предложенных Господом каждому, становясь своего рода эмблематическим синтезом христианства.

Когда Бог полностью призывает, как в случае монашеской жизни, тогда человек может достичь больших высот — в той степени,

в какой восприимчивость, культура и духовность это позволяют. Это в особенности относится к Восточным Церквям, в которых монашество образует существенный опыт и где сегодня продолжается его расцвет, после того как был положен конец преследованиям и сердца обрели возможность свободно возвыситься к небесам. Монастырь — это пророческое место, где само творение превращается в хвалу Богу и заповедь милосердной любви, претворяемой в жизнь, становится идеалом человеческого общежития и где человек ищет Бога без каких-либо ограничений и препятствий, становясь ориентиром для всех, неся их в душе и помогая им в поисках Бога.

Я хотел бы напомнить также о ярком свидетельстве монахинь христианского Востока. Их пример позволил дать высокую оценку особой роли женщины в Церкви, даже если для этого пришлось преодолевать умонастроение эпохи. Во времена преследований, охвативших все страны Восточной Европы, когда многие мужские монастыри были насильственно закрыты, женское монашество сохраняло зажженным светильник монашеской жизни. Харизма монахини с ее специфическими особенностями отражает видимо материнскую любовь Божию, на которую часто ссылается Священное Писание.

Итак, я обращаю свой взор на монашество, чтобы выделить те ценности, которые, как мне представляется, очень важны сегодня для определения вклада, вносимого христианским Востоком на пути Церкви Христовой к Царству Божию. Не будучи свойственными исключительно монашескому опыту и наследию Востока, эти стороны часто приобретали там особый характер. С другой стороны, мы придаем значение не исключительности, а возможности взаимного обогащения в том, что единый Дух породил в единой Церкви Христовой.

Монашество всегда было самой душой Восточных Церквей: первые христианские монахи появились на Востоке, и монашеская жизнь была неотъемлемой частью восточного света, принесенного на Запад великими Отцами неразделенной Церкви²⁶.

Ярчайшие общие черты, которые объединяют монашеский опыт Востока и Запада, содействуют из него чудесный мост братст-

ва, где пережитое единство расцветает гораздо сильнее, чем оно может выразиться в диалоге между Церквями.

Между Словом и Святой Евхаристией

10. Монашество особым образом раскрывает то, что жизнь проходит между двумя вершинами: Словом Божиим и Св. Евхаристией. Это означает, что оно всегда, даже в своих отшельнических формах, представляет собой одновременно личный ответ на индивидуальный призыв и церковно-общинное явление.

Слово Божие — это отправная точка для монаха, Слово, призывающее, приглашающее, обращенное лично — как это было с Апостолами. Когда Слово доходит до человека, тогда возникает послушание, то есть слушание, меняющее жизнь. Каждый день монах питается хлебом Слова. Лишенный Его, он становится как бы мертвым, и ему нечего больше сообщить братьям, ибо Слово есть Христос, Которому монах призван быть сообразным.

Даже когда он поет с братьями молитву, освящающую время, он продолжает питаться Словом Божиим. Богатейшая богослужбная гимнография, которой по справедливости гордятся все Церкви христианского Востока, — не что иное, как продолжение Слова прочитанного, понятого, усвоенного и, наконец, пропетого: эти песнопения, в большинстве своем прекрасно пересказывающие библейский текст, тщательно отобраны и отмечены личным опытом отдельных людей и общин.

Пред бездной Божественного милосердия монаху остается лишь провозглашать осознание собственной полной нищеты, сразу превращающейся в возвание и вопль ликования о еще более обильном спасении, ибо на него невозможно было бы уповать в бездне своей нищеты²⁷. Вот почему мольба о прощении и восхваление Бога составляют существенную часть богослужбной молитвы. Христианин погружен в изумление перед этим последним, из бесконечного ряда, парадоксом, с благодарностью воспеваемым богослужбным языком: Беспредельное становится предельным; Дева рождает; Тот, Кто есть Жизнь, смертью навсегда побеждает смерть; на небесах Принявший тело человеческое восседает одесную Отца.

Кульминацией этого молитвенного опыта является Святая Евхаристия, другая вершина, неразрывно связанная со Словом как место, где Слово становится плотью и кровью, — небесным опытом, в котором Оно вновь делается событием.

В Святой Евхаристии раскрывается глубинная природа Церкви, общины призванных к литургическому собранию для прославления дара Того, Кто есть Приносящий и Приносимый: эти соучастующие в Святых Тайнах становятся «единокровными» Христу²⁸, предваряя опыт обожения в неразрывном отныне союзе, который связывает во Христе Божественность и человечность.

Но Святая Евхаристия — это и то, что предваряет принадлежность людей и вещей к небесному Иерусалиму. Она вполне раскрывает, таким образом, свою эсхатологическую природу: как живой знак такого ожидания, монах в богослужении продлевает и доводит до полноты взывания Церкви — Невесты, молящей о возвращении Христа в «марана-фа — Ей, гряди, Господи Иисусе!», — постоянно повторяющиеся не только в словах, но и во всем его существовании.

Литургия для всего человека и для всего космоса

11. В богослужбном опыте Христос Господь есть Свет, Который освещает путь и раскрывает прозрачность космоса точно так же, как в Священном Писании. События прошлого обретают во Христе смысл и полноту, и творение раскрывается таким, какое оно есть: совокупность особенностей, которые только в богослужении находят свое завершение, свое всецелое предназначение. Вот почему богослужение есть Небо на земле, и в нем Слово, облекшееся в плоть, наполняет материю спасительной способностью, которая проявляется во всей своей полноте в Святых Таинствах: в них творение сообщает каждому силу, дарованную ему Христом. Таким образом, Господь, погруженный в Иордан, передает водам силу, которая позволяет им быть купелью крещального возрождения²⁹.

В таком контексте в богослужбной молитве на Востоке проявляется огромная способность вовлекать человеческую личность во всей ее целостности: тайна воспевается в величии ее содержания,

равно как и в теплоте чувств, возбуждаемых ею в сердце спасенного человечества. В священнодействии сама телесность призвана к хвале, к красоте, являющейся на Востоке одним из излюбленных выражений Божественной гармонии и образом преображенного человечества³⁰, что проявляется повсюду: в формах храма, в звуках, в красках, в свете, в благоухании. Продолжительность богослужения, повторяющиеся призывания — все выражает прогрессивное отождествление всей личности с совершаемой тайной. И молитва Церкви становится, таким образом, уже соучастием в Литургии небесной, предварением окончательного блаженства.

Такая всеохватывающая оценка личности, затрагивающая ее рациональные и чувствительные стороны, в «экстазе» и в имманентности, весьма актуальна и поучительна в понимании значения сотворенных реальностей: они не являются ни абсолютом, ни гнездом греха и беззакония. В богослужении творение раскрывается как дар, предложенный Творцом человечеству: «и увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма» (Быт 1, 31). Хотя все это ознаменовано драмой греха, отяжеляющего материю и препятствующего ее прозрачности, она тем не менее искуплена в Боговоплощении и стала всецело богоносной, то есть способной установить наши отношения с Отцом: эта особенность наиболее ярко проявляется в Святах Тайнах, в Таинствах Церкви.

Христианство не отвергает материи, телесности, которая, напротив, значима во всей полноте в священнодействии, где человеческое тело выявляет свою глубинную природу храма Духа Святого и присоединяется к Господу Иисусу, облекшемуся также в Тело для спасения мира. Но это не влечет за собой безмерного превознесения всего материального, ибо нам хорошо известно, насколько гармония человеческого существа была нарушена грехом. Богослужение раскрывает, что тело — через тайну Креста — идет к своему преображению, одухотворению: на горе Фавор Христос явил его во всей славе таким, каким оно призвано стать по воле Отца.

Космическая реальность призвана также возносить благодарение, ибо весь космос предполагается к полному воссоединению во Христе Господе. В этом понимании находит выражение уравновешенное и прекрасное учение о достоинстве, праве на уважение

и конечной цели творения и человеческого тела в особенности. Оно, при равном отвержении всякого дуализма и всякого культа удовольствия ради удовольствия, становится просвещенным благодатью местом и, следовательно, всецело человеческим.

Тому, кто стремится к истинному смыслу в отношениях с собственным «я» и с космосом, столь часто еще искаженных эгоизмом и ненасытностью, богослужение раскрывает путь к достижению равновесия нового человека и приглашает проникнуться почитанием евхаристической силы сотворенного мира: человеку предназначено быть причастным к Евхаристии Господа, Его Пасхе, присутствующей в Жертве, приносимой на престоле.

Путь к самопознанию

12. На Христа, Богочеловека, взирает монах: в Его искаженном страданием лице, Лике мужа скорбей, он уже прозревает пророческое возведение преображенного Лица Воскресшего. Созерцательному взгляду Христос раскрывается подобно тому, как Он раскрылся иерусалимским женщинам, пришедшим созерцать таинственное зрелище на Голгофе. Итак, взор монаха, прошедший эту школу, привыкает созерцать Христа и в тайниках творения, и в истории человечества, также понимаемой как постепенное уподобление Христу во всем.

Взор, постепенно уподобляющийся Христу, привыкает, следовательно, отдаляться от всего внешнего, от волнения чувств, от всего того, что лишает человека свободной легкости, позволяющей Духу уловить его. Проходя сей путь, он примиряется со Христом в процессе непрерывного обращения: в осознании собственного греха и отдаления от Господа, приводящего к сокрушению сердечному, символу его крещения в спасительных потоках слез; в молчании и в искомом и дарованном внутреннем спокойствии, научающем согласовывать биение сердца с ритмом Духа, что устраняет любую двойственность или двусмысленность. Такое приближение к состоянию все большей простоты и к самому существенному в себе, ко все большей открытости самому себе может побудить человека впасть в гордыню и в непримиримость, если он приходит к заклю-

чению, будто бы все это лишь плод собственных аскетических усилий. Духовное распознавание, при постоянном очищении, делает человека все более смиренным и кротким, сознающим, что он в состоянии воспринять лишь малую долю насыщающей его истины, ибо она есть дар Жениха, единственно являющего Собой полноту блаженства.

Человеку, ищущему смысл жизни, Восток предлагает эту школу, дабы познать себя, стать свободным, возлюбленным Иисусом, Который сказал: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф 11, 28). Тому, кто ищет внутреннего исцеления, Он предлагает продолжать поиски — при благих намерениях и честном пути Лик Отца в конце концов даст Себя распознать, ибо Он запечатлен в глубинах человеческого сердца.

Наставник в Духе Святом

13. Обычно путь монаха не отмечен только его личными усилиями, но связан с духовником, которому он доверяется, как сын, в уверенности, что в нем проявляется заботливое и требовательное отцовство Бога. Образ духовника придает восточному монашеству исключительную гибкость: в самом деле, благодаря его воздействию путь каждого монаха становится очень индивидуальным, в том что касается времени, ритма, способов искания Бога. Именно потому, что духовный отец согласовывает и соединяет все делание, в монашестве проявляется большое разнообразие выражений общежительного и отшельнического характера. Монашество на Востоке смогло, таким образом, ответить на чаяния каждой Церкви в различные периоды ее истории³¹.

В этих поисках Восток особо учит, что Дух наделил некоторых братьев и сестер даром духовного водительства, в силу чего они стали драгоценными примерами, ибо взирают любвеобильным взором, каким Бог смотрит на нас. Речь идет не о том, чтобы отказаться от собственной свободы и быть управляемым другим, а о том, чтобы извлечь пользу из познания сердцем, представляющего собой истинную харизму, дабы с мягкостью и твердостью ведомым оказывалась помощь в поисках истины. Наш мир крайне нуждается в та-

ких отцах. Часто их отвергали, ибо они казались внушающими мало доверия, или же их пример представлялся уже превзойденным и малопривлекательным для современного мироощущения. Тем не менее миру не удастся найти нового, и поэтому он страдает в страхе и неуверенности, не имея примеров и образцов. Тот, кто есть наставник в Духе Святом, если он действительно таков, — а народ Божий всегда умел различать его, — тот не будет уподоблять себе всех, но поможет найти путь к Царству.

Конечно, и Запад получил чудесный дар монашеской жизни, мужской и женской, несущей на себе знак водительства в Духе и все еще ожидающей своей достойной оценки. В этой области и повсюду, где по благодати Божией появляются подобные драгоценные средства внутреннего созревания, начальствующие могут насаждать и поощрять подобный дар для использования всеми, дабы испытывали утешение и поддержку, оказываемые отцовством в Духе на пути веры³².

Общение и служение

14. Именно в постепенном отдалении от того, что в миру препятствует ему в общении с Господом, монах обретает мир как то место, где отражаются красота Творца и любовь Искупителя. В своих молитвах монах призывает сошествие Духа Святого на мир, и он уверен, что будет услышан, ибо его молитва присоединяется к молитве Самого Христа. Он чувствует, таким образом, как в нем рождается глубокая любовь к человечеству, которая в молитвах на Востоке столь часто восхваляется как свойство Самого Бога, Человеколюбца, не поколебавшегося отдать Своего Сына ради спасения мира. Такое расположение духа позволяет монаху иногда созерцать мир, уже преображенный обожествляющим действием Христа, умершего и воскресшего.

Какой бы образ действий ни представлял ему Дух, монах всегда, в сущности, остается человеком общения. Это определение уже с древнейших времен указывало на монашеский общежительный образ жизни. Монашество показывает нам, что не существует подлинного призвания, которое не возникло бы из Церкви и для Церкви.

Об этом свидетельствует опыт многих монахов, которые, затворившись в своих кельях, с исключительным рвением молятся не только о человеке, но и о всякой твари, взывая непрестанно, дабы все обратилось к спасительному потоку Христовой любви. Этот путь внутреннего освобождения в открытости «Тому — Другому» превращает монаха в человека милосердия и любви. Следуя апостолу Павлу, указавшему на полноту закона в любви (ср. Рим 13, 10), в восточном монашестве всегда заботились об утверждении превосходства любви над любым законом.

Оно проявляется прежде всего в служении братии в монашеской жизни, но также и в церковной общине, в формах, меняющихся в зависимости от времени и места и выражающихся как в мирских делах, так и в странствующей проповеди. Церкви Востока с исключительной самоотдачей посвящали себя этой миссии, начиная с евангелизации, — наивысшего служения, какое христианин может предложить брату, — равно как и во многих других формах духовного и общественного служения. Более того, можно сказать, что в древности — и неоднократно также в последующие времена — монашество было главным орудием евангелизации народов.

Человек общения

15. Жизнь монаха подтверждает собой единство, существующее на Востоке между духовностью и богословием. Христианин, и в особенности монах, не столько ищет абстрактных истин, сколько знает, что только его Господь есть Истина и Жизнь; но он знает также, что Он есть Путь (ср. Ин 14, 6) для достижения обеих: следовательно, знание и причастность суть единая реальность, соединяющая личность с триипостасным Богом в Воплощении Слова Божия.

Восток помогает нам выделить христианское значение человеческой личности во всем богатстве составляющих ее элементов. Оно сосредоточено на Боговоплощении, проливающим свет на само творение. Во Христе, истинном Боге и истинном Человеке, раскрывается полнота человеческого призвания: Слово вочеловечилось, дабы человек обожился. Человек, испытывающий постоянно горечь своей ограниченности и своей греховности, не предаётся роптанию

или отчаянию, ибо знает, что в нем действует Божественная сила. Принятие человеческой природы Христом свершилось нераздельно и неслиянно с Божественной природой³³, и человек не был оставлен в одиночестве — стремиться тысячами способов, зачастую безнадёжных, к невозможному восхождению на небо: есть скиния славы, то есть пресвятая личность Господа Иисуса Христа, в которой Божественное и человеческое встречаются в нерасторжимом объятии. Слово стало плотью, во всем подобной нам, кроме греха. Он вливает Божественность в большое сердце человечества и, наполняя его Духом Отца, содействует его способным обожиться силою благодати.

Но если Сын раскрыл нам это, то и нам дано приблизиться к тайне Отца, самому Началу общения в любви. Пресвятая Троица предстает тогда как община любви: познание подобного Бога влечет за собой жажду того, чтобы Он открылся миру, сообщил ему Себя; история же спасения — это не что иное, как история любви Божией к творению, которое Он возлюбил, избрал и восхотел, дабы — согласно восточным Отцам³⁴ — оно стало подобным «иконе иконы», то есть воссозданным по образу Образа, Который есть Сын, и введенным в совершенное общение освящающим Духом любви. И даже когда человек грешит, Бог продолжает искать и любить его, чтобы не нарушилась связь и не прекратилось движение любви. Он любит его в тайне Сына, предавшего Себя не познавшему Его миру, который распял Его на Кресте, но Которого Отец воскресил как вечный залог того, что никто не может убить любовь, ибо всякого причастного ей коснулась слава Божия: именно такого, преображенного любовью человека, созерцали ученики на горе Фавор — Человека, каким все мы призваны стать.

Безмолвное поклонение Богу

16. И тем не менее эта тайна облакается, покрывается молчанием³⁵, во избежание сотворения кумира вместо Бога. Только в постепенном очищении знания в общении человек и Бог встречаются и познают в вечном объятии неистребимую общую природу любви.

Таким образом возникает то, что именуется апофатизмом христианского Востока: чем больше человек возрастает в познании Бога, тем более воспринимает Его как недоступную тайну, непостижимую в своей сущности. Это не следует смешивать с неким мрачным мистицизмом, когда человек теряется в загадочных безличных реальностях. Напротив, христиане Востока обращаются к Богу как к Отцу, Сыну и Святому Духу — живым Лицам, с любовью присутствующим, Которым возносится торжественное и смиренное, величественное и простое богослужбное славословие. Однако они сознают, что к этому присутствию они приближаются прежде всего воспитанием себя в безмолвном поклонении Богу, ибо на вершине познания и переживания Бога пребывает Его абсолютная трансцендентность. К этому приближаются не столько посредством систематической медитации, сколько благодаря молитвенному усвоению Священного Писания и богослужения.

В этом смиренном приятии тварной ограниченности перед лицом бесконечной трансцендентности Бога, непрестанно открывающего Себя как Бог-Любовь, Отец Господа нашего Иисуса Христа в радости Духа Святого, я усматриваю выражение молитвенного духа и богословского метода, которые предпочитает Восток и продолжает предлагать всем верующим во Христа.

Мы должны признать, что все мы нуждаемся в таком молчании, преисполненном ощущения благоговейного присутствия: в богословии — чтобы быть в состоянии полностью оценить собственную познающую и духовную душу; в молитве — чтобы никогда не забывать, что лицезреть Бога означает нисходить с горы со столь сияющим лицом, что необходимо покрывать его (ср. Исх 34, 33), и чтобы там, где мы собираемся вместе, оставалось место присутствию Бога, а не занимались бы мы только собой; в проповеди — чтобы не обманывали себя тем, будто достаточно приумножить слова для приближения к переживанию Бога; в обязательствах — дабы отказаться от вовлечения себя в борьбу, не знающую любви и прощения. В этом нуждается человек наших дней, который зачастую не умеет молчать — из опасения остаться наедине с самим собой, раскрыться, почувствовать пустоту, побуждающую задаться вопросом о смысле собственного существования, — человек, оглушенный шу-

мом. Все, верующие и неверующие нуждаются в том, чтобы научиться такому молчанию, которое позволяло бы Другому говорить, когда и как Он желает, а нам — понимать Его Слово.

Вторая часть

От познания к встрече

17. Прошло тридцать лет с тех пор, как Епископы католической Церкви, собравшиеся на Соборе в присутствии немалого числа братьев других Церквей и церковных Общин, выслушали голос Святого Духа, Который открыл им глубокую истину о природе Церкви, показывая тем самым, что все верующие во Христа гораздо ближе друг ко другу, чем можно было предполагать, — все на пути к единому Господу, все поддерживаемые и укрепляемые Его благодатью. Отсюда возникал каждый раз все более настоятельный призыв к единению.

С того времени во взаимопознании был проделан большой путь. Оно укрепило уважение и позволило нам часто молиться вместе единому Господу, а также друг за друга, идя по пути милосердной любви, которая уже есть паломничество единства.

После важных шагов, совершенных Папой Павлом VI, я пожелал, чтобы продолжались усилия по пути взаимного познания в милосердной любви. Могу засвидетельствовать глубокую радость, которую вызвало во мне братское общение со многими главами и представителями Церквей и церковных общин в эти годы. Вместе разделяли мы тревоги и ожидания, вместе молились мы о единстве наших Церквей и о мире во всем мире. Все вместе мы почувствовали себя более ответственными за общее благо, не только как личности, но и от имени христиан, пастырями которых поставил нас Господь. Порой к Римской кафедре обращались с настоятельными призывами другие Церкви, стоящие перед угрозой или попираемые насилием и произволом. Всем им она стремилась открыть

свое сердце. В защиту их, едва это стало возможным, поднял голос Римский епископ с тем, чтобы люди доброй воли услышали вопль наших страждущих братьев.

«Среди грехов, которые требуют наибольших усилий с точки зрения покаяния и обращения, надо, конечно, отметить те, что нанесли ущерб единству, которого Бог желает для Своего народа. В ныне завершающееся тысячелетие больше, чем в первое, церковное общение «по вине и той и другой стороны»³⁶ страдало от мучительных разрывов, которые открыто противостоят воле Христовой и составляют соблазн для мира. К несчастью, грехи прошлого все еще тяготеют над нами и искушают. Необходимо принести покаяние и горячо молить Христа о прощении»³⁷.

Грех нашего разделения исключительно тяжок: чувствую необходимость в том, чтобы возрастала наша общая готовность внимать Святому Духу, призывающему нас к обращению, к принятию и признанию ближнего с братским уважением, к совершению новых мужественных шагов, способных избавить нас от любого искушения сойти с избранного пути. Мы ощущаем необходимость пре-взойти достигнутую уже степень общения.

18. С каждым днем во мне все более крепнет желание проследить историю Церкви, чтобы написать наконец историю нашего единства, и вернуться, таким образом, ко времени, когда — после смерти и воскресения Господа Иисуса — Евангелие распространилось в самых разных культурах и положило начало плодотворному обмену, о котором свидетельствуют и по сей день церковные богослужения. При всех существовавших трудностях и противоречиях послания Апостолов (ср. 2 Кор 9, 11–14) и Отцов Церкви³⁸ свидетельствуют о теснейших братских узах между Церквями, в полном общении веры, при уважении своеобразия и самобытности. Общий опыт мученичества и размышления о деяниях мучеников каждой Церкви, принятие учения многих святых учителей веры, при глубоком общении и согласии, — все это усиливает прекрасное чувство единства³⁹. Развивающийся по-разному опыт церковной жизни не препятствовал тому, чтобы в своих взаимоотношениях христиане могли продолжать с уверенностью чувствовать себя дома в любой Церкви, ибо от них всех возносилась в чудесном разнооб-

разии языков и напевов хвала единому Отцу, через Христа, в Духе Святом; все были собраны для совершения Святой Евхаристии — которая есть средоточие и образ для общины не только в аспекте духовности или нравственной жизни, но и для самой структуры Церкви, в разнообразии служений и функций, осуществляемых под руководством епископа, преемника Апостолов⁴⁰. Первые соборы являются красноречивым свидетельством этого продолжающегося единства в разнообразии⁴¹.

И даже когда усиливалось непонимание по догматическим вопросам — часто преувеличиваемое под воздействием политических и культурных факторов, — которое уже приводило к прискорбным последствиям в отношениях между Церквями, живым оставалось стремление призывать к единству Церкви и продвигать его. С самого начала экуменического диалога Дух Святой позволил нам укрепиться в общей вере, совершенном продолжении апостольской керигмы, и за это мы всем сердцем благодарим Бога⁴². И хотя постепенно стали возникать — уже в первые столетия христианской эры — противостояния в лоне тела Церкви, мы не должны забывать, что, несмотря на трудности, в течение всего первого тысячелетия сохранялось единство между Римом и Константинополем. Мы все больше понимали, что разрыву ткани единства способствовал не столько какой-то исторический эпизод или просто вопрос превосходства, сколько прогрессивное отчуждение, так что различия как таковые не воспринимались уже как общее богатство, но как несовместимость. Даже когда во втором тысячелетии, по мере возрастания взаимного непонимания и предрассудков, ожесточились полемика и разделение, не прекращались тем не менее конструктивные встречи между главами Церквей, жаждавшими укрепить связи и благоприятствовать обмену, так же как не прекращался благодатный труд мужчин и женщин, которые, признавая в противостоянии тяжкий грех и будучи влюбленными в единство и милосердие, стремились поощрять поиски общения разными способами — молитвою, изучением и размышлением, открытыми и дружескими встречами⁴³. И весь этот похвальный труд вошел в общее размышление участников Второго Ватиканского Собора и обрел символ своей значимости в отмене взаимных отлучений

1054 года, по желанию Папы Павла VI и Вселенского патриарха Афинагора I⁴⁴.

19. На пути христианской любви встретились новые трудности, вследствие недавних событий, потрясших Центральную и Восточную Европу. Братья-христиане, совместно претерпевшие преследования, взирают друг на друга с подозрением и опасением в тот момент, когда открываются перспективы и надежды на большую свободу: не есть ли это новая, серьезная опасность греха, которую мы всеми силами должны попытаться избежать, если хотим, чтобы ищущим народам легче было найти Бога любви, а не ввергать их снова в соблазн из-за наших разделений и противостояний? Когда по случаю Страстной Пятницы 1994 года Его Святейшество Патриарх Константинопольский Варфоломей III предложил в дар Римской Церкви свое молитвенное размышление о «Крестном пути», я пожелал напомнить об этом нашем общении в своем размышлении о мученичестве: «Все едины в этих мучениках, в Риме, на «Горе Крестов» и на Соловецких островах, и в столь многих других лагерях уничтожения. Объединенные тенью мучеников, мы не можем не быть едиными»⁴⁵.

Поэтому насущно необходимо осознать эту тяжелейшую ответственность: сегодня мы можем соучаствовать в возвещении Царства или же стать виновниками новых разделений. Да откроет Господь наши сердца, обратит наши умы и вдохновит нас на конкретные, мужественные шаги, чтобы, в случае необходимости, преодолеть общие места, примиренчество или застой. Желающий быть первым призван быть слугою всех, тогда из мужества его милосердия может возникнуть первенство любви. Молю Господа, дабы Он прежде всего вдохновил меня и епископов Католической Церкви на конкретные свидетельства этой внутренней уверенности. Этого требует сама глубина природы Церкви. Каждый раз, когда мы совершаем Святую Евхаристию — это таинство общения, — в разделяемых нами Теле и Крови мы находим призыв к нашему единству⁴⁶. Как мы можем пользоваться полным доверием, если представим разделенными перед Святой Евхаристией, если мы неспособны быть соучастниками Самого Господа, Которого мы призваны возвещать миру? Будучи взаимно исключенными из евхаристического

общения, мы ощущаем нашу нищету и необходимость прилагать все усилия, чтобы приблизить день, когда мы вместе сможем разделять единый хлеб и единую чашу⁴⁷. Тогда Святая Евхаристия вновь будет в полной мере восприниматься как пророчество о Царстве, и вновь прозвучат в полноте истины слова, взятые из древнейшей евхаристической молитвы: «Как хлеб сей, преломленный, рассеянный по холмам, был собран воедино, — так Церковь Твоя будет собрана от концов земли во Царствии Твоем»⁴⁸.

Опыт единения

20. Некоторые годовщины особого значения побуждают нас обратиться мыслями, с чувством и уважением, к Восточным Церквам. Прежде всего, как я уже говорил, — это столетие Апостольского послания «*Orientalium dignitas*». С того времени начался путь, приведший, между прочим, в 1917 году к учреждению Конгрегации по делам Восточных Церквей⁴⁹ и Папского Восточного института⁵⁰, — усилиями Папы Бенедикта XV. Впоследствии, 5 июня 1960 года, Иоанном XXIII был учрежден Секретариат по содействию христианскому единству⁵¹. В недавнее время, 18 октября 1990 года, я обнаружил Кодекс канонов Восточных Церквей⁵² с целью сохранения и продвижения особенностей восточного наследия.

Этим ознаменовываются отношения, всегда воспринимавшиеся Римской Церковью как неотъемлемая часть доверенной Иисусом Христом апостолу Петру миссии утверждать братьев в вере и единстве (ср. Лк 22, 32). Попытки прошлого имели свои пределы, определявшиеся мировоззрением того времени и соответствующим пониманием истины о Церкви. Но сейчас мне хотелось бы снова подтвердить, что в корне этого обязательства лежит убеждение в том, что Петр (ср. Мф 16, 17–19) намерен отдаться служению Церкви, объединенной в любви. «Задача Петра заключается в постоянном поиске путей для сохранения единства. Он, таким образом, не должен создавать препятствий, но искать пути. В сущности, это не противоречит задаче, порученной ему Христом, — «утверждать братьев в вере» (ср. Лк 22, 32). Помимо сего показательным, что Христос произнес эти слова незадолго до того как апостол отрекся

от Него. Как будто Сам Учитель пожелал сказать ему: «Помни, что ты немощен и сам нуждаешься в постоянном обращении. Можешь утверждать других в той мере, в какой сознаешь свою слабость. Поручаю тебе Истину, великую Истину Божию, предназначенную для спасения человека, но эта Истина не может проповедоваться и осуществляться иначе, как в любви». Необходимо всегда «*veritatem facere in caritate*» — «творить истину в любви» (ср. Еф 4, 15)⁵³. Сегодня нам известно, что единство может быть осуществлено любовью Божией, только если все Церкви вместе захотят его, при полном уважении отдельных традиций и необходимой автономии. Знаем, что это осуществимо только в силу любви между Церквями, чувствующими себя призванными как можно более убедительно свидетельствовать о единстве Церкви Христовой, рожденной от единого Крещения и из единой Евхаристии, и желающими быть сестрами⁵⁴. Как мне приходилось говорить: «Церковь Христова едина; если имеются разделения, их необходимо преодолевать, но Церковь — едина; и на Востоке и на Западе Церковь Христова может быть только единой — единой и объединенной»⁵⁵.

Конечно, сегодня нам представляется, что подлинное единство возможно только при полном уважении достоинства друг друга, и нельзя считать, что обычаи и традиции латинской Церкви в своей совокупности более исчерпывающи и приспособлены к тому, чтобы выразить полноту истинного учения; и еще нам представляется, что такому единству должно предшествовать сознание общения, которым прониклась бы вся Церковь, не ограничиваясь соглашением на высшем уровне. Сегодня мы сознаем — и это неоднократно было подтверждено, — что единство осуществится, как и когда пожелает Господь, и что оно потребует проявления с нашей стороны восприимчивости и созидательной любви, которые, быть может, выходят за пределы форм, уже исторически испытанных⁵⁶.

21. Восточные Церкви, вошедшие в полное общение с Римской Церковью, проявили, таким образом, ревностность, выраженную в степени, соответствующей зрелости церковного сознания того времени⁵⁷. Вступая в католическое общение, они не намеревались ни в коей мере отказываться от верности своим традициям, о которых героически свидетельствовали в течение веков, нередко ценою

крови. И если порой в их отношениях с Православными Церквями возникали недоразумения и явные противостояния, то всем известно, что мы должны непрестанно молиться о даровании Божественного милосердия и «нового сердца», способного к примирению, несмотря на любой перенесенный или нанесенный ущерб.

Неоднократно подчеркивалось, что уже осуществленное полное единство Восточных Католических Церквей с Римской Церковью не должно повлечь за собой уменьшения осознания ими собственной подлинности и самобытности⁵⁸. В том случае, когда это могло произойти, Второй Ватиканский Собор призывал их полностью раскрыть свою идентичность, поскольку, имея «право и обязанность управляться согласно своей особой дисциплине, как это диктуется почтенной древностью, они лучше соответствуют обычаям своих верующих и более приспособлены к заботе о благе их душ»⁵⁹. В плоти своей эти Церкви несут драматический разрыв, ибо затруднено еще полное общение с Православными восточными Церквями, несмотря на общее наследие их отцов. Необходимо постоянное и совместное обращение, чтобы они продолжали с решимостью и рвением стремиться к достижению взаимопонимания. Обращение сердец должно произойти и в латинской Церкви, чтобы она в полной мере смогла уважать и ценить достоинство восточных Церквей и с благодарностью принимать духовные сокровища, которые хранят восточные католические Церкви на пользу всекатолического общения⁶⁰, чтобы она показывала гораздо более конкретно, чем в прошлом, насколько уважает и ценит христианский Восток и насколько представляется ей существенным его вклад, дабы в полной мере переживалась вселенскость Церкви.

Встречаться, знакомиться, работать вместе

22. Я горячо желаю, чтобы слова св. апостола Павла, обращенные с Востока к верующим Римской Церкви, вновь прозвучали сегодня в устах западных христиан по отношению к их братьям из Восточных Церквей: «Прежде всего благодарю Бога моего через Иисуса Христа за всех вас, что вера ваша возvesчается во всем мире» (Рим 1, 8). И тут же Апостол язычников с энтузиазмом поясняет

свое намерение: «Ибо я весьма желаю видеть вас, чтобы преподать вам некое дарование духовное к утверждению вашему, то есть утешиться с вами верою общею, вашею и моею» (Рим 1, 11–12). Итак, вот как чудесно была определена динамика сближения: познание сокровищ веры каждого — которые я только что охарактеризовал — само по себе дает стимул к новой и более сердечной близости между братьями; и да приведет это к истинному и искреннему взаимному обмену! Это — побуждение, которое Святой Дух постоянно вызывает в Церкви и которое становится особенно настоятельным в моменты наибольших трудностей.

23. Помимо этого, я прекрасно сознаю, что существующая на данный момент определенная напряженность между Римской Церковью и некоторыми Церквями Востока затрудняет путь взаимоуважения — имеется в виду общение. Неоднократно Римский Престол прилагал усилия для издания директив, благоприятствующих поискам общего пути для всех Церквей в столь важный момент в жизни мира и главным образом Восточной Европы, где драматические исторические события недавних времен зачастую препятствовали Восточным Церквям полноценно осуществлять свою проповедническую миссию, хотя они и чувствовали в этом настоятельную потребность⁶¹. Большая свобода предлагает им сегодня новые возможности, даже если имеющиеся в их распоряжении средства ограничены в силу трудностей, переживаемых странами, в которых они действуют. Я желаю со всей силой подтвердить, что общины Запада готовы поощрять во всем — и немалое число их уже действует в таком направлении — развитие этого служения диаконии, делясь опытом, приобретенным ими в годы более свободного исполнения долга милосердия. Горе нам, если изобилие одного становится причиной унижения другого или же бесплодного и скандального соперничества! Со своей стороны общины Запада считают своим долгом прежде всего участвовать — где это возможно — в проектах служения совместно с братьями из Восточных Церквей или помогать им в осуществлении предпринимаемого ими служения на благо своих народов; во всяком случае, они никогда не будут на территориях общего присутствия вести себя так, чтобы их поведение могло показаться неуважительным по отношению к нелегким усили-

ям, которые намерены предпринять Восточные Церкви, заслуживающие тем большего уважения, чем более скромными являются их собственные возможности.

Проявление милосердия друг к другу и по отношению к людям, находящимся в нужде, красноречиво свидетельствует само за себя. Избегать этого или утверждать противоположное — значит побудить тех, кто присматривается к нам, думать, будто все усилия по сближению между Церквями в духе милосердия — это всего лишь общие слова, неубедительные и беспочвенные.

Мне представляется основополагающим призыв Господа прилагать всяческие усилия, дабы все верующие во Христа свидетельствовали вместе свою веру, особенно на тех территориях, где совместно проживает значительное число чад Католической Церкви — латинского и восточных обрядов — и чад Православных Церквей. После совместного мученичества, перенесенного за Христа под гнетом атеистических режимов, настал момент пострадать, — если это необходимо, — чтобы остаться верными свидетельству любви между христианами, ибо, «если я отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, то нет мне в том никакой пользы» (1 Кор 13, 3). Мы должны молиться неустанно, дабы Господь смягчил наши умы и сердца и даровал нам терпение и кротость.

24. Я считаю важным, что возрастание во взаимопонимании и единстве состоит именно в улучшении нашего познания друг друга. Чадам Католической Церкви уже известны пути, указанные Святейшим Престолом для достижения этой цели: знакомство с богослужением Восточных Церквей⁶²; углубление познания духовной традиции Отцов и Учителей Церкви христианского Востока⁶³; подражание Восточным Церквям в инкультурации евангельского послания; ослабление напряженности между христианами латинского и восточных обрядов и поощрение диалога между католиками и православными; подготовка в специализированных институтах для христианского Востока богословов, литургистов, историков и канонистов, которые могли бы распространять, в свою очередь, знание о Восточных Церквях; предложение в семинариях и на богословских факультетах адекватного обучения этим предметам, главным образом для будущих священников⁶⁴.

Эти указания сохраняют всю свою силу, и на них я намерен решительно настаивать.

25. Помимо взаимопознания я считаю очень важными взаимные посещения. Я бы желал, чтобы эту особую работу выполняли монастыри, именно в силу того специфического места, какое занимает монашеская жизнь в лоне Церкви, и благодаря многим общим чертам, объединяющим монашеский опыт, и следовательно, духовное восприятие как на Востоке, так и на Западе. Еще один из видов встреч заключается в приеме православных профессоров и студентов в Папских университетах и других католических высших учебных заведениях. Будем продолжать делать все возможное, чтобы такой прием смог приобрести все большие масштабы. Да благословит Господь Бог, помимо того, возникновение и развитие центров, предназначенных именно для оказания гостеприимства нашим братьям с Востока, в том числе в этом городе Рима, в котором хранится живая и общая память о Первоверховных Апостолах и многих мучениках.

Важно, чтобы в начинания, связанные со встречами и обменами, вовлекались как можно шире церковные общины: известно, например, сколь положительной может оказаться инициатива по установлению отношений между приходами-«побратимами», в целях взаимного культурного и духовного обогащения, а также в благотворительном делании.

Считаю весьма положительными начинания по совместным паломничествам в места, где особо проявилась святость, — паломничествам в воспоминаниях о мужчинах и женщинах, которые во все времена обогащали Церковь принесением в жертву своей жизни. Значительным событием в таком направлении стало бы общее признание святости тех христиан, которые в последние десятилетия — особенно в странах Восточной Европы — пролили кровь за единую веру во Христа.

26. Особого внимания заслуживают также территории диаспоры, где проживают среди большинства католиков латинского обряда многие верующие Восточных Церквей, покинувшие свои родные земли. Подобные места, где в лоне плюралистического общества гораздо легче установить спокойные отношения, могли бы стать

идеальной средой для улучшения и укрепления сотрудничества между Церквами в подготовке будущих священников, в разработке пастырских и благотворительных проектов, с пользой также и для тех стран, откуда восточные христиане родом.

Правящим епископам латинского обряда этих стран моя особая рекомендация — внимательно изучать, в полной мере осознавать и в точности прилагать принципы, изложенные Святейшим Престолом по вопросам экуменического сотрудничества⁶⁵ и пастырского попечения о верующих Восточных Католических Церквей, прежде всего тех, кто лишен собственной иерархии.

Призываю восточнокатолических иерархов и клир тесно сотрудничать с правящими епископами латинского обряда для более действенной пастырской работы, чтобы она не дробилась, в особенности в тех случаях, когда их юрисдикция распространяется на весьма обширные территории и где отсутствие сотрудничества означает нечто иное, как изоляцию. Восточнокатолическим иерархам ничем не следует пренебрегать в содействии по созданию братской атмосферы, искреннего и взаимного уважения и сотрудничества с братьями из тех Церквей, с которыми у нас еще нет полного общения, особенно с принадлежащими к той же церковной традиции.

Там, где на Западе не оказалось бы священников восточных обрядов для помощи и окормления верующих Восточных Католических Церквей, правящие епископы латинского обряда и их помощники должны содействовать тому, чтобы в этих верующих возростали осознание и знание собственной традиции; они призваны активно сотрудничать, внося свой специфический вклад в дело роста христианской общины.

27. Принимая во внимание важное значение монашества в восточном христианстве, мы выражаем пожелание, чтобы оно вновь расцвело в Восточных Католических Церквах и чтобы поощрялись все те, кто чувствует себя призванным содействовать его укреплению⁶⁶. В самом деле, существует неразрывная связь между литургической молитвой, духовной традицией и монашеской жизнью на Востоке. Именно поэтому и для Восточных Католических Церквей хорошо подготовленное и мотивированное возобновление мо-

нашеской жизни могло бы означать подлинный церковный расцвет. Не следует думать, будто это уменьшит эффективность пастырского служения, — напротив, оно только укрепитя столь солидной духовностью и, таким образом, вновь обретет свое идеальное место. Это пожелание касается также территорий восточной диаспоры, где присутствие восточных монастырей придало бы большую прочность Восточным Церквам в этих странах и внесло бы, помимо прочего, драгоценный вклад в монашескую жизнь западных христиан.

Идти вместе к Свету с Востока — Orientale lumen

28. Заканчивая это послание, мысленно обращаюсь к возлюбленным братьям Патриархам, епископам, священникам и диаконам, монахам и монахиням, мужчинам и женщинам Восточных Церквей.

На пороге третьего тысячелетия все мы слышим, как доносится до наших Кафедр вопль людей, раздавленных бременем серьезных угроз, жаждущих — быть может, даже того не ведая — познать историю любви, какую Бог восхотел. Эти люди чувствуют, что луч света, если он воспринят, может еще рассеять тьму, скрывающую нежную любовь Отца.

Пресвятая Дева Мария — «Звезды незаходимой Матерь»⁶⁷, «Заря таинственного дня»⁶⁸, «Восток Солнца славы»⁶⁹, привлекает нас к Свету с Востока.

Ежедневно с Востока восходит солнце надежды — Свет, поддерживающий существование рода человеческого. С Востока, как прекрасный образ, вернется наш Спаситель (ср. Мф 24, 27). Мужчины и женщины Востока служат нам знамением Господа, приходящего вновь. Мы не можем забыть о них не только потому, что любим их как братьев и сестер, искупленных тем же Господом, но и потому, что священная тоска по векам, пережитым в полноте общения веры и любви, побуждает нас, вопиет о наших грехах и о взаимном непонимании: мы лишили мир общего свидетельства, которое, вероятно, могло бы помочь избежать стольких драм, более того, изменить смысл истории.

С горечью мы воспринимаем то, что до сих пор между нами нет евхаристического общения. Теперь, когда тысячелетие завершается и наш взор всецело обращен к восходящему Солнцу, мы с благодарностью находим братьев и сестер там, куда направлены наш взор и наше сердце.

Эхо Евангелия, не обманывающее Слово, продолжает отзываться с силою, ослабленной только нашим разделением: Христос зовет, но человек с трудом слышит Его голос, ибо мы не единогласны в передаче благовестия. Мы вместе внимаем зываниям людей, жаждущих услышать Слово Божие в Его полноте. Слова Запада нуждаются в словах Востока, дабы Слово Божие все лучше выявляло свои непостижимые богатства. Наши слова встретятся навеки в небесном Иерусалиме, но мы зываем и жаждем, чтобы эта встреча была предварена еще в Святой Церкви, которая продолжает свой путь к полноте Царствия Божия.

Да сократит Господь время и пространство. Скоро, очень скоро, да сподобит нас Христос, Свет с Востока, осознать, что в действительности, несмотря на вековую отдаленность, мы были крайне близки, ибо совместно, быть может, не зная о том, шли навстречу Единому Господу и, следовательно, друг ко другу!

Да возрадуется этому открытию человек третьего тысячелетия, которого наконец достигнет согласное слово, а потому вполне убедительное, провозглашенное братьями, любящими и благодарящими друг друга за взаимно даруемые богатства! Итак, мы предстанем пред Богом с чистыми руками примирения, и люди мира сего обретут еще одно твердое основание для веры и надежды.

С такими пожеланиями преподаю всем мое благословение.

*Из Ватикана, 2 мая, в день памяти св. Афанасия,
Епископа и Учителя Церкви, в год 1995-й,
на семнадцатом году моего Понтификата*

Примечания

- ¹ Ср. Leonis XIII Acta, 14 (1894), 358–370. Папа подчеркивает уважение и конкретную помощь, которые Святейший Престол уделяет Восточным Церквам, и намерение охранять свойственную им особенность; ср. Апостольское послание Praeclara gratulationis (20 июня 1894), ц. м. 195–214; Энциклика Christi nomen (24 декабря 1894 г.), ц. м. 405–409.
- ² Ср. Второй Ватиканский Собор, Декрет о Восточных Католических Церквах Orientalium Ecclesiarum, 1, Декрет об экуменизме Unitatis Redintegratio, 17.
- ³ Блаженный Августин в связи с этим замечает: «Откуда Церковь берет начало? Из Иерусалима», In Epistulam Ioannis, II, 2: PL (Patrologia Latina) 35, 1990.
- ⁴ Ср. Второй Ватиканский Собор, Догматическая конституция о Церкви Lumen gentium, 23; Декрет об экуменизме Unitatis redintegratio. 4.
- ⁵ Ср. Второй Ватиканский Собор, Декрет об экуменизме Unitatis redintegratio, 4.
- ⁶ Ср. Апостольское послание Egregiae virtutis (31 декабря 1980 г.): AAS (Acta Apostolicae Sedis) 73 (1981), 258–262; Энциклика Slavorum apostoli (2 июня 1985 г.), 12–14; AAS 11 (1985), 792–796.
- ⁷ Слово после Крестного Пути в Великую Пятницу (1 апреля 1994), 3: AAS 87 (1995), 88.
- ⁸ Ср. Второй Ватиканский Собор, Декрет об экуменизме Unitatis redintegratio, 14–18.
- ⁹ Речь на Чрезвычайной консистории (13 июня 1994): «L'Osservatore Romano», 13–14 июня 1994, с. 5. (1)
- ¹⁰ Второй Ватиканский Собор, Декрет об экуменизме Unitatis redintegratio, 17
- ¹¹ Второй Ватиканский Собор, Декрет об экуменизме Unitatis redintegratio. 15.
- ¹² Ср. св. Иринея, Против ересей V, 36, 2: SCh (Sources Chretiennes) 153/2. 461; св. Василий Великий, Трактат о Святом Духе, XV, 36: PG (Patrologia Graeca) 32, 132: XVII, 43 ц.м. 148; XVIII, 47, ц.м., 153.
- ¹³ Ср. св. Григорий Нисский, «Катехетическое размышление», XXXVII: PG 45, 97.
- ¹⁴ Ср. Против ересей III. 10. 2: SCh 211/2, 121; III, 18, 7, ц. м. 365; III, 19, 1. ц.м., 375; IV, 20, 4: SCh 100/2, 635; IV, 33, 4, ц.м., 811; V, Pref.: SCh 153/2, 15.
- ¹⁵ Привитые ко Христу «люди становятся богами и детьми Божиими... прах возвышен до такой степени славы, что стал почти равен по чести и Божеству Божественной природе» Николай Кавасила, «Жизнь во Христе», I: PG 150, 505.
- ¹⁶ Ср. св. Иоанн Дамаскин, «Об образах», I. 19: PG 94, 1249.
- ¹⁷ Ср. Иоанн Павел II, Энциклика Redemptoris Mater («Матерь Искупителя»), (25 марта 1987 г.), 31–34: AAS 79 (1987), 402–406; Второй Ватиканский Собор, Декрет об Экуменизме Unitatis redintegratio. 15.

- ¹⁸ Ср. св. Ириней, «Против ересей», II, 28, 3–6: SCh 294, 274–284; св. Григорий Нисский, Житие Моисея: PG 44, 377; св. Григорий Богослов, Проповедь о Святой пасхе, XLV, 3s: PG 36, 625–630.
- ¹⁹ Второй Ватиканский Собор, Декрет об экуменизме *Unitatis redintegratio*, 15.
- ²⁰ № 9: AAS 77 (1985), 789–790.
- ²¹ Там же, 11 ц. м., 791.
- ²² Там же, 21 ц. м., 802–803.
- ²³ «Divina eloquia cum legente crescunt»: св. Григорий Великий, In Ezechiel, I, VII, 8: PL 76, 843.
- ²⁴ Ср. Второй Ватиканский Собор, Догматическая конституция о Божественном Откровении (*Dei Verbum*), 8.
- ²⁵ Ср. Международная Богословская Комиссия, *Interpretationis problema* (октябрь 1989 г.), II, 1–2: *Enchiridium Vaticanum* 11, с. 1717–1719.
- ²⁶ Велико было влияние на Западе «Жития преп. Антония», написанного св. Афанасием: PG 26, 835–977. О нем вспоминает среди прочих св. Августин в своей «Исповеди», VIII, 6: CSEL 33, 181–182. Переводы трудов восточных Отцов, в том числе «Правила» св. Василия Великого (PG 31, 889–1305), «История египетских монахов» (PG 65, 441–456) и «Апофегмы (Изречения) отцов-пустынников» (PG 65, 72–440), которые оставили след в монашестве на Западе. Ср. Guillaume de Saint-Thierry *Epistula ad Fratres de Monte Dei*: SCh 223, 130–384.
- ²⁷ Ср., напр., св. Василий Великий, «Краткое правило»: PG 31, 1079–1305; св. Иоанн Златоуст, «О сокрушении»: PG 47, 391–422; Проповеди на Евангелие от Матфея, XV, 3: PG 57, 225–228; св. Григорий Нисский, «О заповедях блаженства», 3: PG 44, 1219–1232.
- ²⁸ Ср. Николай Кавасила, «Жизнь во Христе», IV: PG 150, 584–585; св. Кирилл Александрийский, «Трактат о Евангелии от Иоанна», 11: PG 74, 561; там же, 12, ц. м., 564; св. Иоанн Златоуст, «Проповеди на Евангелие от Матфея», LXXXII, 5: PG 58, 743–744.
- ²⁹ Ср. св. Григорий Назианзин, *Sermo XXXIX*: PG 36, 335–360.
- ³⁰ См. Климент Александрийский, «Педагог», III, I, I: SCh 158, 12.
- ³¹ Показательными являются, например, опыты св. Антония; ср. св. Афанасий, Житие преп. Антония, 15: PG 26, 865; св. Пахомий, *Les vies coptes de saint Pakhome et ses successeurs*, Louvain 1943, с. 3; ср. свидетельство Евагрия Понтийского, *Tractatus practicus* 100: SCh 171, 710.
- ³² Ср. Иоанн Павел II, Проповедь, обращенная к монахам и монахиням, 6: AAS 80 (1988), 1111.
- ³³ Ср. Халкидонский Символ веры: *Symbolum Chalcedonense*, DS 301–302.
- ³⁴ Ср. св. Ириней, «Против ересей», V, 16, 2: SCh 153/2, 217; IV. 33, 4: SCh

100/2, 811; св. Афанасий, «Против язычников», 2–3, 34: PC 25, 5–8, 68–69; Воплощение Слова, 12–13: SCh 18, 228–231.

³⁵ Молчание («исихия») — существенный элемент восточной монашеской духовности. Ср. Жития и изречения отцов-пустынников PG 65, 72–456; Евагрий Понтийский, «Основы монашеской жизни»: PG 40, 1252–1264.

³⁶ Второй Ватиканский Собор. Декрет об экуменизме *Unitatis redintegratio*, 3.

³⁷ Иоанн Павел II, Апостольское послание *Tertio millennio adveniente* (10 ноября 1994 г.), 34: AAS 87 (1995), 26.

³⁸ Ср. св. Климент Римский. Послание к Коринфянам: *Patres Apostolici*, изд. F.X. Funk. I, 60–144; св. Игнатий Антиохийский, Послания, ц. м., 172–252; св. Поликарп, Послание к Филиппийцам, ц. м., 266–282.

³⁹ Ср. св. Иринея, Против ересей I, 10, 2: SCh 264/2, 158–160.

⁴⁰ Ср. Второй Ватиканский Собор, Догматическая конституция о Церкви в современном мире *Lumen Gentium*, 26, Конституция о Богослужении *Sacrosanctum Concilium*, 41; Декрет об экуменизме *Unilatis redintegratio*, 15.

⁴¹ Ср. Иоанн Павел II, Апостольское послание *A Concilio Constantinopolitano* (25 марта 1981 г.) I. 2: AAS 73 (1981), 515; Апостольское послание *Duodecimum saeculum* (4 декабря 1987 г.) 2. 4: AAS 80 (1988). 242, 243–244.

⁴² Ср. Иоанн Павел II, Проповедь в соборе Св. Петра в присутствии Вселенского Патриарха Димитрия I, архиепископа Константинопольского (6 декабря 1987 г.), 3: AAS 80 (1988), 713–714.

⁴³ Ср., например, *Anselmus Havelbergensis, Dialogi*: PL 188. 1139–1248.

⁴⁴ *Tomos Agaris*. Ватикан–Фанар (1958–1970), Рим–Стамбул, 1971, с. 278–295.

⁴⁵ Обращение после богослужения Крестного Пути Великой Пятницы (1 апреля 1994 г.): AAS, 87 (1995), 87.

⁴⁶ Ср. Римский Миссал, праздник Пресвятых Тела и Крови Христа, Молитва над Дарами; там же, 3-я Евхаристическая молитва; св. Василий, «Александрийская анафора», изд. E. Renaudot, *Liturgiarum orientalium collectio*, I. Франкфурт, 1847, с. 68.

⁴⁷ Ср. Павел VI, Послание к Мхитаристам (8 сентября 1977): Поучения 15 (1977), 812.

⁴⁸ Дидахе (Учение двенадцати Апостолов), IX, 4; *Patres Apostolici*, изд. F.X. Funk. I, 22.

⁴⁹ Ср. *Motu proprio Dei providentis* (1 мая 1917 г.): AAS 9 (1917), 529–531.

⁵⁰ Ср. *Motu proprio Orientis Catholici* (15 октября 1917 г.), ц. м. 531–533.

⁵¹ Ср. *Motu proprio Supremo Dei nutu* (5 июня 1960 г.) 9: AAS 52 (1960), 435–436.

⁵² Ср. Апостольская Конституция *Sacri canones* (18 октября 1990 г.): AAS 82 (1990), 1033–1044.

- ⁵³ Иоанн Павел II, *Varcare la soglia della speranza* (Переступить порог надежды), Милан 1994, с. 168.
- ⁵⁴ Ср. Второй Ватиканский Собор, Декрет об экуменизме *Unitatis redintegratio*, 14.
- ⁵⁵ Приветствие, обращенное к профессорам Папского Восточного института (12 декабря 1993): «*L'Osservatore Romano*» 13–14 декабря 1993, с. 4.
- ⁵⁶ Ср. Второй Ватиканский Собор, Декрет о Восточных Католических Церквях *Orientalium Ecclesiarum*, 30.
- ⁵⁷ Ср. Иоанн Павел II, Послание *Magnum Baptismi donum* (14 февраля 1988 г.), 4: *AAS* 80 (1988), 991–992.
- ⁵⁸ Ср. Второй Ватиканский Собор, Декрет о Восточных Католических Церквях *Orientalium Ecclesiarum*, 24.
- ⁵⁹ Там же, 5.
- ⁶⁰ Ср. Второй Ватиканский Собор, Декрет об экуменизме *Unitatis redintegratio*, 17; Иоанн Павел II, Речь на Чрезвычайной консистории (13 июня 1994 г.): «*L'Osservatore Romano*», 13–14 июня 1994, с. 5.
- ⁶¹ Ср. Иоанн Павел II, Послание к епископам Европейского континента (31 мая 1991 г.): *AAS* 84 (1992), 163–168; а также «Общие принципы и практические нормы для координации евангелизации и экуменической деятельности Католической Церкви в России и в других странах СНГ» (опубликовано на французском и английском языках 1 июня 1992 г. Папской комиссией «*Pro Russia*»).
- ⁶² Ср. Конгрегация католического образования. Инструкция *In Ecclesiasticam futurorum*, (3 июня 1979 г.) 48: *Enchiridium Vaticanum* 6, стр. 1080.
- ⁶³ Ср. Конгрегация католического образования, Указания *Inspectis diebus*, (10 ноября 1989): *AAS* 82 (1990), 607–636.
- ⁶⁴ Ср. Конгрегация католического образования. Документ *En regard au développement* (6 января 1987 г.), 9–14: «*L'Osservatore Romano*», 16 апреля 1987, с. 6.
- ⁶⁵ Ср. Папский Совет по содействию христианскому единству, Руководство по применению принципов и норм об экуменизме, V: *AAS* 85 (1993), 1096–1119.
- ⁶⁶ Ср. Послание Ординарного Генерального Синода Епископов, VII: «Обращение к монахам и монахиням Восточных Церквей» (27 октября 1994 г.): «*L'Osservatore Romano*», 29 октября 1994, с. 7.
- ⁶⁷ Часослов, Акафист Пресвятой Богородице, икос 5.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Часослов, Воскресное повечерие византийского обряда (глас 1-й).